Июль 1997 года

— Он мог умереть, — голос Рона звучал очень подавленно.

Гермиона внимательно смотрела на своего лучшего друга, который, согнувшись и словно бы уменьшившись в размерах, сидел напротив неё на кровати, обречённо упираясь локтями в колени. С его ресниц сорвалась прозрачная капля и упала на пол, разбившись о половицы. За первой слезой последовала и другая. Протянув руку, Гермиона похлопала Рона по колену, желая поддержать. Его нога была тёплой — именно таким всегда и был Рон.

Гарри выглядел безмерно виноватым. С болью и сожалением он положил руку Рону на спину. Гермиона понимала, о чём думал Гарри. Это всего лишь ухо, но всё могло закончиться совсем по-другому. Джордж чуть не умер, пытаясь вывезти его из дома Дурслей. Аластор Грюм поплатился жизнью. Всего несколько месяцев назад умер Дамблдор. А ещё раньше — Сириус. И его родители. И всё для того, чтобы защитить его и победить Волдеморта, а они так и не приблизились к этой цели. Гарри постоянно винил себя за это.

— Гарри? — тихо позвала она. Он поднял глаза. — У тебя с собой фотография с родителями? Та, на которой все члены Ордена.

Она знала, что этот снимок Гарри всегда держал при себе, как и чувство вины. Он молча кивнул и, потянувшись, достал из кармана сложенную фотографию. Гермиона откинулась на спинку стула и осторожно её развернула. На неё смотрели улыбающиеся лица более чем двадцати волшебников, сражавшихся в Первой Магической войне. Только два человека с этого снимка были ещё живы. И один из них оказался Пожирателем смерти, а другой сидел внизу, на кухне Тонкс.

— Я скоро вернусь. Рон, может быть, тебе захватить что-нибудь с кухни?

Он лишь молча покачал головой, и Гермиона вышла, тихо закрыв за собой дверь. Она в смятении спускалась по лестнице, и каждый шаг сопровождался громким стуком ботинок по деревянным ступеням. На неё стала наваливаться пугающая реальность их ситуации. Да, Орден смог вывезти Гарри, но операция чуть не сорвалась. Сегодня они могли проиграть войну, а их лидер погиб.

Вот так успех.

Ситуация становилась всё более безнадёжной. Её родители теперь жили далеко от неё, в Австралии, и у неё появилось такое мерзкое чувство, что оставшиеся в её жизни взрослые — те, кто вёл эту войну, те, кто должен был обеспечивать безопасность, — понятия не имели, что делать.

Она открыла дверь в кухню и увидела сидящих за столом Кингсли Шеклболта, Нимфадору Тонкс, Римуса Люпина и профессора Макгонагалл. Должно быть, они уже давно сидели в

тишине, так как она не слышала, чтобы чья-то речь оборвалась с её появлением. Она поймала на себе усталые и настороженные взгляды.

— Кто возглавляет Орден? — спросила она.

Гермиона предположила, что теперь, когда Аластор мёртв, это будет Римус. Макгонагалл занимала пост директора Хогвартса, Кингсли работал в Министерстве, и, хотя Тонкс была аврором, она всё ещё оставалась самой молодой в этой группе. У Люпина сейчас не было других обязательств. В подтверждение её предположения все взгляды метнулись в его сторону.

Римус, казалось, не испытывал неудобства от ответственности, которая теперь на него возлагалась. Но, возможно, он скрывал неуверенность, чтобы не выглядеть слабым перед остальными. Гермионе стало интересно: у Ордена только четыре руководителя или существовал кто-то ещё?

— Должно быть, теперь это я, Гермиона, — подтвердил он свою роль в Ордене.

Она кивнула и без приглашения села за стол. Римус бросил на неё удивлённый взгляд, ожидая, что она объяснит своё вторжение. Но Гермиона не знала, с чего начать.

— Что случилось? — спросил он.

Глубоко вздохнув, она принялась высказывать свои опасения:

— Сегодня вечером мы были в меньшинстве, хотя знали, что существовала вероятность нападения. Если бы авроры в полном составе прибыли к Дурслям, они могли бы схватить многих Пожирателей смерти и посадить их в Азкабан. Но их там не было, потому что вы не доверяете Аврорату. Аврорату! — настойчиво повторила она, слегка повысив голос на этом слове. — Значит, на Министерство в целом нет никакой надежды. И Хогвартс теперь нельзя считать таким же безопасным, как раньше.

Гермиона тяжело дышала после пылкой речи. Она не хотела, чтобы её слова звучали как обвинение, но вышло именно так. Не то чтобы она злилась на людей в этой комнате, скорее, это было отчаянием из-за их положения в целом.

Римус внимательно посмотрел на неё и откинулся на спинку стула.

— Очень проницательно. Но нет причин об этом беспокоиться. Мы просто проявили осторожность.

Никто, казалось, не собирался возразить ему. Гермиона с раздражением окинула собравшихся взглядом. Четверо взрослых и одна семнадцатилетняя девушка. Она чувствовала, что к ней относятся несерьёзно, словно делая скидку, терпя её прихоть находиться среди них.

Римус продолжил:

— Министерство неплохо держится, и нет причин полагать, что Хогвартсу угрожает опасность. Минерва займёт место Альбуса на посту директора, и на нашей стороне многие другие профессора.

— Нет причин? — Гермиона не могла поверить, что он так сказал. Не могут же они отрицать очевидное. — Предельно ясно. Министерство падёт, а после него и Хогвартс. Орден ничем не лучше Фаджа, если отказывается воспринимать реальность. Какой у нас план? Надеяться на лучшее? Мы все будем мертвы. Как Грюм и Дамблдор.

Римус прищурился, глядя на неё.

Тонкс наклонилась вперёд, желая вступиться за мужа. В её глазах стояли непролитые слёзы скорби по Аластору. Гермиона помнила, что он был её наставником. Они были настолько близки, насколько близким можно представить общение с Грозным Глазом.

— Мы работаем над этим, Гермиона, — объяснила Тонкс. — Потеря Аластора и Альбуса ничего не меняет.

Гермиона раздражённо повернулась к ней. Как именно они планировали свои операции? Во время учёбы она восхищалась профессорами Макгонагалл и Люпином. В них она была уверена, они точно делали всё возможное, чтобы выиграть эту войну. Но Гермиона мало что знала о Тонкс и Шеклболте. Лишь то, что они авроры. Но насколько они хороши как руководители подпольного сопротивления?

— Так в чём же план? Это война. Как вы собираетесь победить?

Все переглянулись, и Макгонагалл решительно произнесла:

— Мисс Грейнджер, нас только что предал человек, которому Альбус просил нас верить. Пусть мы и делимся информацией с вами и другими членами Ордена, чем меньше людей знает о нашем следующем шаге, тем лучше.

Гермиона поддерживала такую политику. Они с Гарри и Роном никому не говорили о крестражах именно по этой причине. Но что-то должно объединять миссию «Крестраж» и стратегию Сопротивления. Она понятия не имела, в чём заключалась эта стратегия, и у неё было неприятное чувство, что они тоже этого не знали.

Какой тактики они придерживались в долгосрочной перспективе? Со стороны казалось, что они могли только реагировать на действия Волдеморта и Пожирателей. Возможно, всё так складывается, потому что Орден остался без руководителя. Уже во второй раз. Но нужно отказаться от оборонительных действий. Они не приведут к победе.

Гермиона продолжила, ничуть не смутившись:

— Министерство падёт. Хогвартс падёт. Пожиратели смерти увеличат свою численность и убьют нас одного за другим, как они сделали в прошлый раз. Хватит ли у нас хотя бы убежищ для тех, кому придётся скрываться? Или нас останется так мало, что об этом не стоит беспокоиться? В последний раз соотношение сил было каким, двадцать к одному?

— Откуда эти данные? — спросил Римус, пристально глядя на неё.

Гермиона выдержала его взгляд, но не ответила на вопрос. Ну правда, почему люди всегда считали, что факты — такая тайна, которую можно сохранить?

— Итак, каков наш следующий шаг?

Римус наклонился вперёд и успокаивающе произнёс:

— Мы работаем над этим, Гермиона. Можешь довериться нам.

Она не знала, сказал ли он так потому, что ей по возрасту не полагалось знать больше, или из-за общей секретности, но, похоже, они вообще не воспринимали её всерьёз. И гнев вырвался наружу:

— Дело не в доверии! — Из-за разочарования Гермиона не могла полностью себя контролировать, и её голос стал звучать громче. Она швырнула принесённую с собой фотографию на стол. Все наклонились вперёд, чтобы рассмотреть изображение. Лицо Римуса вытянулось, когда он увидел близких друзей, тех, кого действительно убивали одного за другим.

С тихим вздохом Римус протянул руку, поднял снимок и с грустью на него посмотрел. Его глаза блуждали по фотографии, на мгновение погружаясь в воспоминания о тех, кого с ними больше не было, и уголки губ приподнялись в грустной улыбке. Тонкс взяла его за руку и переплела их пальцы. Он погладил её, большим пальцем проводя по костяшкам.

Тонкс с сочувствием посмотрела на Гермиону.

— Мы все расстроены, Гермиона. Я знаю, что тебе пришлось сделать, чтобы защитить собственных родителей. Мы все потеряли людей, которые нам дороги.

Гермиона проигнорировала её фразу и снова повернулась к Римусу. Она искала не сочувствия. Сочувствие сейчас ничем не поможет.

***

Продолжение следует...

А пока поставь лайк и поддержи книгу 5 звездами!

http://tl.rulate.ru/book/4132/120161